

Особенности высказывания истины в античности: оракулы, мудрецы, философы

Аннотация: в статье рассматриваются прорицания оракулов и изречения мудрецов как архаичные формы высказывания истины, представленные в текстах Геродота и Диогена Лаэртского. Выявляются ключевые особенности данных форм высказывания истины с точки зрения специфики статуса самого высказывающего (оракула или мудреца), обстоятельств формирования высказывания, а также его восприятия теми, на кого направлено высказывание. В ходе сравнительного анализа был сделан вывод о специфически переходном характере высказывания истины мудрецом: подобно оракулу, мудрец высказывается двусмысленно и неопределенно, оставляя интерпретацию на усмотрение слушающего. При этом, подобно философу, мудрец стремится оказать помощь человеку и должен опираться на различные формы обоснования для того, чтобы его речь была воспринята.

Ключевые слова: истина, оракул, мудрец, философ.

Современная эпистемологически ориентированная философия анализирует понятие «истина» главным образом с точки зрения ее отношения к реальности, к вещам и процессам. Парадигматической остается корреспондентская концепция истины, определяющая последнюю как «знание, соответствующее действительности». Однако уже философы XVIII в, такие как Дж. Беркли и Д. Юм, показали, что связь знания и реальности является глубоко проблематичной и порождает не только трудности интерпретации и обоснования, но и пугающие парадоксы. В то же время обращение к античной литературно-философской традиции дает нам представление об истине как специфической форме речи, связанной прежде всего с положением говорящего. Представляется, что такая постановка вопроса может быть не менее продуктивной, хотя бы по той причине, что истина – это именно функция высказывающего ее субъекта, и целью высказывания также является прежде

всего воздействие на субъекта (того, кто слушает, либо самого говорящего, как это происходит, например, в молитве или исповеди).

Если бы связь с реальностью служила наиболее эффективным способом разрешения споров, то споры были бы невозможны, ведь апелляция к реальности доступна в любой момент времени. Тем не менее такая апелляция не спасает положения. Не следует забывать, что кроме истины самой по себе крайне важную роль играет также интерпретация, то есть собственное понимание слушающим субъектом того, что говорится. Таким образом, истина никоим образом не может считаться объективной (поскольку она не всегда вообще описывает какие-либо предметы), но также не является и субъективной, скорее она носит *интерсубъективный* характер.

В своих лекциях в Коллеж де Франс М. Фуко вводит термин *веридикция*, понимаемый как форма высказывания истины, структурируемая особым положением между говорящим и слушающим [см: 1, 2, 3]. В качестве примера такой процедуры истины М. Фуко исследует понятие *parresia*, которое обозначает свободную, вольную речь, речь человека, высказывающего истину «всю целиком», ничего не утаивая. Целью свободной речи является вовсе не *описание* какой-либо действительности, но *воздействие* на собеседника – убеждение его в значимости чего-либо или в необходимости принятия определенного решения. Наиболее яркие примеры парресии мы находим в речах античных философов: Сократа, Платона, Диогена, Эпиктета и многих других.

В данной работе мы рассмотрим более древние формы высказывания истины – это речи оракулов и мудрецов. Целью таких речей также является воздействие на слушающего – они побуждают к принятию какого-либо решения или совершению поступка. В настоящем исследовании мы предпримем попытку анализа особенностей данных форм веридикции на материале античной литературной традиции.

Вопреки распространенному мнению, прорицания не обязательно являлись двусмысленными загадками, они могли выражать божественную волю и

напрямую, без двусмысленностей и разночтений. К примеру, оракул прямо подтверждает право Гигеса на лидийское царство, предупредив при этом о наказании, которое будет нести его потомок в пятом поколении [4, с. 14-15]. И тем не менее часто встречаются предсказания, включающие в себя двусмысленность, либо вовсе неясные в своем значении. Хорошо известно предсказание, данное Крезу, когда он решал, стоит ли ему начинать войну с персами, на что пифия дает ему ответ: «Если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство» [4, с. 26]. Итогом войны, начатой Крезом, стало поражение лидийцев, пленение царя и полное завоевание его собственного царства.

Означает ли это, что Крезу было дано неправильное предсказание или что бог специально обманул Креза, чтобы тот ввязался в заведомо проигрышную авантюру? В действительности ему было дано правильное предсказание, а вовсе не ложное: он действительно сокрушил великое царство. Ему лишь следовало обратиться с еще одним вопросом: чье именно царство имеется в виду – персидское царство Кира или его собственное, Креза? [4, с. 40-41].

Интересным примером является история с Пактием, который просит защиты от персов у жителей города Кимы [4, с. 61-62]. Когда кимейцы спросили у оракула, нужно ли им выдать Пактия людям царя Кира, оракул отвечает, что нужно выдать. Один из жителей Ким, Аристоклик, не верит этому прорицанию (сославшись на то, что послы могли неверно передать слова оракула) и отправляется вместе с новым посольством, которое обращается к оракулу с тем же вопросом и получает тот же самый ответ. Когда же Аристоклик спрашивает напрямую у бога, голос которого он слышит из святилища, почему тот приказывает кимейцам выдать молящего о защите, бог отвечает, что он дал такой приказ, чтобы наказать кимейцев, обращающихся со столь нечестивыми вопросами. Получается, что воля бога заключалась в том, чтобы кимейцы выполнили прорицание, выдали Пактия персам и понесли бы суровую кару за столь бесчестный поступок. Однако мудрость Аристоклика помогла распознать замысел бога и спасти кимейцев от его гнева.

Мы видим, что прорицание включает в себя игру между божественной и человеческой волей, их столкновение, в котором могущество божества может быть пересилено хитростью и смысленностью человека. При этом основная активность в игре оказывается на стороне человека: после оглашения прорицания бог уже никак не влияет ни на то, будет ли это прорицание услышано, ни тем более на то, как именно прорицание будет интерпретировано – это оставляется на усмотрение и ответственность человека.

Прорицатель дает людям знание, которое они не могли бы получить иным способом. Однако не всегда прорицания помогают людям, чаще они лишь добавляют бед. Причина в том, что бог имеет определенные цели, на осуществление которых направлено прорицание, а загадочность и двусмысленность направлены на то, чтобы скрыть эти цели от человека. В то же время сохраняется вероятность того, что подлинная цель бога будет разгадана человеческой сметливостью, и тогда замысел не будет осуществлен – однако эта вероятность *уже заложена в сам божественный замысел*.

В противоположность этому мудрость имеет своей целью именно способствование человеческому благополучию. Наиболее характерным примером будут знаменитые «7 мудрецов» греческой культуры. Прежде всего, мудрец стремится принести пользу людям, давая общине хорошие законы. Всем известна роль Солона в создании законодательства Афин, также законодателями были Хилон, Биант, Периандр. Законотворчество и политические советы мудрецов некоторым образом действительно сближают их деятельность с деятельностью оракулов (вспомним, что законы Ликурга, по одной из версий, были внушены ему оракулом в Дельфах), однако мудрец, в отличие от оракула, должен *самостоятельно обосновывать* свое право на политические решения, не имея возможности ссылаться на божественный авторитет. Примечательны в этом плане рассказы о Солоне: к примеру, желая возбудить афинян на борьбу за остров Саламин, он выступает на центральной площади в венке (что было не принято, поскольку повод был не праздничный, а напротив, скорее траурный) с проникновенными стихами, которые подняли

боевой дух афинян, что позволило в итоге одержать победу [5, с. 77]. Солон также обосновывал важность и необходимость некоторых из своих законов: существенно снизив награды за победу в гимнастических состязаниях, он объяснил это тем, что «нехорошо излишествовать в таких наградах, когда столько есть граждан, павших в бою, чьих детей надо кормить и воспитывать на народный счет» [5, с. 80].

Кроме политических советов мудрецы также знамениты высказываниями об общенравственных вопросах. Описывая жизнь и труды каждого из мудрецов, Диоген Лаэртский обязательно упоминает и ряд изречений, «сентенций», являющихся жизненными наставлениями универсального характера, в отличие от советов оракулов, имеющих непосредственную связь с определенной ситуацией. Вероятно, именно поэтому большинство из мудрецов начинают *записывать* свои наставления в стихотворной форме – так начинается складываться традиция философских сочинений.

Что служит обоснованием мудрости мудреца? Почему люди прислушиваются к его словам? В случае оракула обоснованием служит сам авторитет божества, хотя мы уже видели на примере Аристоклика, что это не всегда решающий аргумент, и недоверие к оракулам – не такое уж редкое явление. В случае мудреца источник авторитета смещается – это *имя мудреца*, которым подписано его изречение. Именно имя становится фундаментом, обеспечивающим веридикцию.

Резюмируя сказанное выше, мы можем заключить, что прорицание оракула и речь мудреца – две формы веридикции, предшествующие философской парресиастической свободной речи, имеющие ряд специфических отличительных черт.

Речь оракула – это выражение божественной воли, не всегда совпадающей с волей и интересами людей. Она формирует специфическую игру между волей бога и сметливостью человека, и именно от того, насколько успешно человек применит свою смекалку, зависит конечный результат. Мудрец – это человек, такой же, как и те, к кому он обращается. Поэтому он вполне искренне

стремится оказать помощь другим людям своими советами и наставлениями. Почему же в таком случае эти советы нередко оказываются неслышанными? Можем предположить, что столь часто повторяющиеся рассказы о том, как были проигнорированы советы мудрецов, представляют собой риторический прием античных литераторов, призванный указать читателям на то, как важно прислушиваться к голосу мудрости. На примере ошибок прошлых поколений следует учиться современникам и стараться данных ошибок не повторять.

Какое влияние оказали прорицание и мудрость на складывающуюся в дальнейшем философскую форму высказывания истины? Нетрудно заметить, что мудрость – это своего рода промежуточное звено, переходная форма между архаичной веридикцией оракула и свободной речью позднейших философов, опирающейся на разумные доводы. Мудрец – тот, кто впервые начинает говорить от собственного имени, в отличие от полностью безымянного оракула. Мудрец также сталкивается с проблемой обоснования собственной истины, необходимости оказания влияния на собеседника для того, чтобы его точка зрения была принята. Однако именно в тех высказываниях, которые более всего роднят мудрецов и философов – высказываниях о природе вещей и вопросах справедливости – мудрецы скорее изъясняются подобно оракулам – таинственно и загадочно без каких-либо обоснований, кроме самой мудрости говорящего. Сентенции мудрецов крайне лаконичны и могут трактоваться множеством различных путей. С одной стороны, эта лаконичность и загадочность обеспечивает универсальность применения сентенций мудрецов в отличие от прорицаний, зачастую не имеющих значения за пределами контекста, в котором данное прорицание было высказано. С другой стороны, таинственность речи мудрецов означает, что трактовка смысла сентенций остается исключительно на усмотрение слушающего, самого мудреца никак не заботит правильность понимания его изречений.

Список источников

1. Фуко М. Герменевтика субъекта. – СПб: Наука, 2007. – 677 с.
2. Фуко М. Управление собой и другими. – СПб.: Наука, 2011. – 432 с.
3. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. – СПб.: Наука, 2014 – 358 с.
4. Геродот. История. – Ленинград: Наука, 1972. – 600 с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.

Информация об авторе

Кондратьев Константин Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей философии.

e-mail: kons-kondrat@yandex.ru

FEATURES OF THE STATEMENT OF TRUTH IN ANCIENT TIMES:

ORACLES, SAGES, PHILOSOPHERS

Abstract: The oracles' divinations and the sages' speeches as the archaic forms of the truth statements presented in the texts by Herodotus and Diogenes Laertius are considered in the article. The main features of these forms of the truth statements are revealed in terms of the specific status of the speaker (the oracle or the sage) and the circumstances of the statement formation, as well as their perception by those people for whom the statement was told. During the comparative analysis, a conclusion about the transitional character of the sage's truth statement was made. Like the oracle the sage makes the ambiguous and indefinite statements, he lets the listener to interpret his speech. Like a philosopher the sage wants to be helpful and has to rely on different forms of justification in order to make his speech to be heard.

Keywords: truth, oracle, sage, philosopher

Literature

1. Foucault M. The Hermeneutics of the Subject. – St. Petersburg: Science, 2007. – 677 p.
2. Foucault M. The Government of Self and Others. – St. Petersburg: Science, 2011. – 432 p.
3. Foucault M. The Courage of Truth: The Government of Self and Others II. – St. Petersburg: Science, 2014. – 358 p.
4. Herodotus. History – Leningrad: Science, 1972. – 600 p.
5. Diogenes Laertius. Lives and Opinions of Eminent Philosophers. – Moscow: Thought, 1979. – 620 p.

Author

Kondratiev Konstantin Vladimirovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General Philosophy.

e-mail: kons-kondrat@yandex.ru